

ЭКОНОМИКА

УДК 330.3

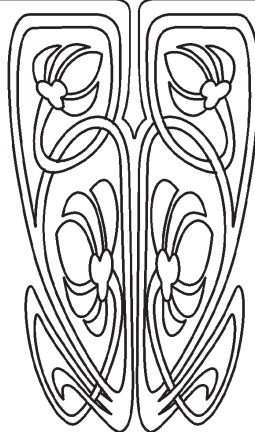
СТОЛЕТИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Г. А. Черемисинов

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, cheremisinov@inbox.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Исследуется устойчивая вековая тенденция мобилизационного развития экономики России с начала Первой мировой войны в 1914 г. Излагаются основные теоретико-методологические предпосылки выдвигаемой научной гипотезы: мобилизация экономики как результат государственного предпринимательства, ограничивающего долю потребления и увеличивающего долю сбережения в составе валового продукта страны. **Теоретический анализ.** Анализируется динамика статистических показателей мобилизационного развития российской экономики – долей потребления и накопления в национальном (народном) доходе, долей потребления и сбережения в валовом внутреннем продукте – на хронологически последовательных исторических интервалах.

Результаты. Объясняется последовательное чередование в течение столетия трех моделей российской экономики: военно-мобилизационной, инвестиционно-мобилизационной и рентно-мобилизационной. Доказывается, что траектория мобилизационного развития экономики России/СССР обуславливалась ее полупериферийным статусом в международном разделении труда, а вектор государственного предпринимательства определялся намерением правящей власти войти в группу передовых стран. **Заключение.** Дана оценка рентно-мобилизационной модели современной экономики России как аномального состояния, типичного для периферийных стран.

Ключевые слова: мобилизационное развитие экономики, государственное предпринимательство, национальный доход, валовой внутренний продукт, накопление, сбережение, инвестиции, макроэкономическая статистика, миросистемный анализ, история экономики России.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-368-389

Введение

Следующие одна за другой знаменательные исторические даты – четверть века с момента распада СССР и начала рыночных реформ в Российской Федерации и столетие Октябрьской революции – дают повод для плодотворных научных дискуссий и обогащения экономической мысли.

Современной российской экономической науке предстоит преодолеть аномальную ситуацию двух разрывов нашей истории, в начале и конце XX столетия. Первое размежевание времен произошло в эпоху революций и Гражданской войны. Другой отрыв настоящего от прошлого возник в процессе перестройки советской экономики на рыночный лад. Эти исторические разрывы рассекли развитие российского хозяйства и отечественной экономической мысли на три отрицающих друг друга периода.

Понимание тенденций общественного развития оказывается половинчатым, если оно довольствуется только противопоставлением предшествующего периода последующему и не выявляет

закономерной взаимосвязи между ними. Признание исторической преемственности устраняет внутреннюю надломленность экономической теории. Нам нужна единая, целостная наука, способная критически переосмысливать и включать в себя весь прошлый опыт. Одним из продуктивных подходов к созданию обобщающей теории отечественной экономики может быть изучение закономерностей ее мобилизационного развития в XX–XXI вв., раздвигающее временной интервал за пределы, очерченные Октябрьской революцией 1917 г. и распадом СССР в 1991 г.

Немногим более ста лет прошло с момента вступления России в Первую мировую войну, радикально изменившую историю экономики нашей страны. Развернувшаяся с 1914 г. мобилизация российского народного хозяйства положила начало вековой тенденции (столетнего тренда). Исследование необычной устойчивости мобилизационного развития отечественной экономики почти на всем протяжении истекшего столетия имеет научный интерес и предполагает постановку и решение ряда теоретико-методологических проблем:

- уточнение параметров мобилизационного развития экономики, характеризующегося соотношением потребления и сбережения (накопления) в структуре макроэкономических показателей: ВВП, валового национального продукта, чистого валового продукта, национального (народного) дохода;

- обоснование научной гипотезы о государственном предпринимательстве, определяющем траекторию и качество развития экономики России посредством использования хозяйственных ресурсов и формирования макроэкономических пропорций между сбережением, накоплением и потреблением;

- сопоставление и интерпретация статистических исчислений по хронологически последовательным интервалам рассматриваемого столетия;

- достоверность научной обработки данных, заимствованных из разных источников, в условиях отсутствия сплошных статистических наблюдений по годам и единой методики расчета показателей в известные временные периоды, изменений территории нашей страны и преобразований ее социально-экономической системы;

- верификация гипотезы об активной роли государственного предпринимательства в вековой мобилизации экономики России на основе концептуальных положений миросистемного анализа о взаимосвязи вектора экономического развития страны с изменениями ее позиции в международном разделении труда;

- выявление закономерностей эволюции и трансформаций российской экономики, типологическая характеристика периодов и моделей ее мобилизационного развития.

Проблема мобилизации или функционирования в мобилизационном режиме российской экономики понимается широко и не сводится к укреплению обороноспособности страны, деятельности оборонно-промышленного комплекса, подготовке народного хозяйства к обеспечению ведения военных действий. Мобилизация – это приведение в движение, активизация хозяйственной жизни.

Критерием мобилизационного развития экономики страны может служить соотношение потребления и сбережения (накопления) в структуре макроэкономических показателей: ВВП, валового национального продукта, чистого валового продукта, национального (народного) дохода. Потребление – это сравнительно консервативный компонент валового продукта, обеспечивающий в основном простое воспроизводство. Сбережение (накопление) формирует активный компонент, предполагающий изменение объема и структуры воспроизводства валового продукта. Доля (норма) сбережения (накопления) в валовом продукте служит показателем активности, мобилизации экономики. Поскольку сбережения представляют собой ресурсы, которые не используются на потребление, постольку мобилизация экономики характеризуется ограничением потребления.

На протяжении большей части исследуемого столетнего интервала отечественная статистика исчисляла показатель народного (национального) дохода, а с 1990-х гг. предпочтение отдано показателю ВВП. В составе национального дохода выделяют фонд потребления и фонд чистого (без учета амортизации основного капитала) накопления. В сбережениях же учитывается валовое накопление капитала. Поэтому при исчислении показателя национального дохода с ним корректнее сопоставлять показатель чистого накопления капитала, получая показатель доли накопления, а о показателе доли сбережений (нормы валового накопления) можно судить по экспертным оценкам, которые определяют долю амортизации основного капитала в валовом внутреннем продукте, как правило, в интервале 10–15%.

В структуре ВВП выделяют валовое сбережение и потребление. Определение сбережения представлено следующими формулами:

$$\begin{aligned} \text{Сбережения} &= \\ &= \text{Валовой внутренний продукт} - \text{Потребление}; \\ \text{Сбережения} &= \text{Валовое накопление (инвестиции)} + \\ &+ (\text{Экспорт} - \text{Импорт}); \end{aligned}$$

Сбережения = Инвестиции + Чистые денежные накопления.

Формирование суверенных фондов также означает принудительное сбережение части ВВП.

Существует проблема неоднозначности определения понятия «потребление», к которому в статистике вместе с личным потреблением относят и государственное потребление, включающее расходы не только на социально-экономические нужды, но и на содержание государственного аппарата и силовых структур.

Указанная неопределенность усугубляется отсутствием сплошных статистических наблюдений по годам и единой методики расчета показателей в разные периоды заявленного векового интервала, изменениями территории нашей страны и преобразованиями ее социально-экономической системы. Названные проблемы ограничивают исследование столетия мобилизационного развития российской экономики форматом нестрогой рабочей гипотезы, предусматривающей теоретико-методологическое обоснование и статистическую проверку.

В историко-экономических исследованиях равно правомерны взаимодополняющие подходы. Во-первых, описание и моделирование особенностей развития хозяйственных систем в конкретные исторические периоды. Во-вторых, поиск общего среди различий, выявление повторяющихся, закономерных причинно-следственных связей, определение особенного, конкретного хозяйственного опыта как разновидности более общей модели экономической системы или как этапа более длительного периода исторического развития.

Признание российской экономики частью мировой хозяйственной системы и директивно-плановой экономики Советского Союза оригинальной разновидностью рыночного хозяйства [1, 2] обеспечивает единство теоретико-методологических предпосылок исследования на всем столетнем хронологическом пространстве.

Закономерности становления, существования и преобразования директивно-плановой экономики СССР сложно объяснить в рамках мейнстрима, стандартной, неоклассической теории рыночного либерализма, поскольку государство в ней выступает производным от рыночного обмена субъектом. Более продуктивной оказывается альтернативная методологическая предпосылка, согласно которой государство – главный субъект в национальной экономике.

Вековая мобилизация экономики России была, прежде всего, результатом деятельности ее государственного аппарата, мотивы поведения которого характеризует концепция государствен-

ного предпринимательства. Постановка вопроса о государственном предпринимательстве как типологическом признаке развития экономики России, по крайней мере, с эпохи Петра I [3], раздвигает временной горизонт, включая в него и рассматриваемое столетие.

Научное исследование может опираться на ряд теоретико-методологических предпосылок [1, с. 25–43]. Под государственным предпринимательством понимается деятельность, связанная с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, направленная на расширение кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов. В сферу государственного предпринимательства входят непосредственное ведение хозяйственных дел (казенное производство товаров и услуг, торговые монополии, займы и субсидии, поступление и расходование средств бюджета) и реализация функций государственного управления (организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование режима внешне-экономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы).

Важнейший механизм централизованного регулирования экономики, объединяющая основа и главный фактор формирования сферы государственного предпринимательства – бюджет. Размеры и характер обращения бюджетных ресурсов, стремление к их умножению обуславливают господство государственного аппарата в экономической системе страны. От состояния бюджета зависит функционирование народного хозяйства. В свою очередь, финансовые ресурсы государства определяются конъюнктурой национальной и мировой экономики. Перемены в бюджетной сфере взаимосвязаны с серьезными общественными преобразованиями. Деграция государственных финансов может сопровождаться деграцией народного хозяйства, пересмотром экономической политики правительства, сменой правящей власти, трансформацией политико-экономической и социальной систем, изменениями территории и государственного устройства страны.

Чрезвычайные изменения количества ресурсов, вовлекаемых в оборот государственного предпринимательства, как правило, сопровождаются соответствующими переменами в фундаментальных условиях общественного воспроизводства: отношениях собственности, колебаниях конъюнктуры, режимах функционирования регуляторов рыночного равновесия, хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении. Желание увеличить объем контролируемых и исполь-

зуемых хозяйственных ресурсов побуждает правящую власть ограничивать доходы и имущество владение граждан, подавлять интересы и изменять социальный статус различных групп населения, ужесточать условия проявления частной хозяйственной инициативы.

Чем активнее государственный аппарат участвует в воспроизводственных процессах сбережения, накопления и потребления, тем весомее становится его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности, тем слабее реализуются функции частно-рыночной самонастройки хозяйства. Преодоление государственным предпринимательством пороговых уровней воздействия на экономику приводит к качественным изменениям ее элементов. Предпринимательская экспансия правящей бюрократии пресекается резким падением темпов роста или разрушением экономики.

Траектория развития и качество роста (падения) народного хозяйства зависят от размеров и динамики государственного предпринимательства. Ключевыми параметрами социально-экономического развития служат пропорции между потреблением и накоплением в национальном (народном) доходе или потреблением и сбережением в ВВП, доля централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования.

Теоретико-методологические предпосылки концепции государственного предпринимательства подтверждаются анализом макроэкономической динамики и верификацией рабочей гипотезы о мобилизационном развитии российской экономики на протяжении последних ста лет.

Теоретический анализ

Используемые в настоящей статье статистические данные и показатели заимствованы из разных источников: статистических сборников, расчетов специалистов, экспертных оценок. Отсутствие однообразия предполагает интерпретацию и сопоставление отличающихся значений показателей по разным временным периодам.

Исходным пунктом для сравнительного анализа выбраны условия функционирования российской экономики в начале XX в., когда статистические исследования и расчеты макроэкономических показателей только начинались и были спорадическими. А. Л. Вайнштейн отмечал, что работы С. Н. Прокоповича были первыми и единственными до революции исчислениями народного дохода за 1900 и 1913 гг., соответствующими правильному пониманию этой категории как чистой продукции материального производства страны, и эти расчеты послужили

для ЦСУ СССР отправным пунктом большинства сопоставлений с дореволюционным периодом [4, с. 60].

С. Н. Прокопович определял норму чистого накопления перед началом Первой мировой войны на основе экспертных оценок специалистов, соотнося названную ими величину национального накопления капитала с суммой народного дохода в 16,4 млрд руб., полученной в результате собственных подсчетов. В. И. Гриневецкий оценил капиталобразующую способность России примерно в 1 млрд руб. в год, что составляло 6,1% народного дохода. М. Н. Соболев определил национальное накопление в 1913 г. в 1,5 млрд руб., народный доход – в 15 млрд руб. и норму накопления – в 10%. По отношению к 16,4 млрд руб. народного дохода 1,5 млрд руб. накоплений составляли 9,2% [5, с. 335, 336].

Критически пересматривая выкладки М. Н. Соболева, А. Л. Вайнштейн определил накопление производственных и основных непроизводственных фондов в 1913 г. суммой около 2,3 млрд руб., что соответствовало доле накопления в 14% по отношению к народному доходу в 16,4 млрд руб. Автор пояснил, что исчисления по методу «видимого денежного накопления» были преуменьшены из-за большой доли натурального и мелкотоварного хозяйственных укладов и что народнохозяйственное накопление в предреволюционной России было значительно больше, чем полагали многие экономисты и статистики [6, с. 424, 425].

Фундаментальные статистические исследования А. Л. Вайнштейна получили международное признание и послужили базой для исчислений чистого национального продукта России за 1894–1913 гг., выполненных П. Грегори. Данные американского исследователя по публикации 1982 г. приводил В. И. Бовыкин, показывая структуру распределения чистого национального продукта России в 1909–1913 гг.: конечное потребление составило 86,8%, из них 77,4% – личное потребление и 9,4% – правительственные расходы; внутреннее накопление составило 13,2%, из них 11,8% – чистое накопление капитала и 1,4% – чистый экспорт [7]. В более поздней публикации П. Грегори представлены иные пропорции распределения чистого национального продукта России в 1909–1913 гг.: конечное потребление составило 87,8%, из них 78,1% – личное потребление и 9,7% – правительственные расходы; внутреннее накопление составило 12,2%, из них 10,8% – чистое накопление капитала и 1,4% – чистый экспорт [8, с. 65].

Таким образом, доля чистого накопления в народном доходе России начала XX в. определялась специалистами в интервале от 6 до 14%. Раз-

брос значений в оценках макроэкономического параметра во многом был обусловлен разными методами исчисления соотношения потребления и накопления (сбережения) в денежной и натуральной форме, которая приобрела исключительное значение в военные годы.

Наиболее достоверной «прикидкой» для Первой мировой войны признаются показатели структуры народного дохода, исчисленные С. Н. Прокоповичем на основе индексов сокращения продукции сельского хозяйства и про-

мышленности и их соотносительных удельных весов в производстве, с учетом отторжения части территории и населения страны. Объемы продукции и народного дохода, рассчитанные в золотых (полноценных) рублях и неизменных ценах 1913 г., не нуждаются в поправках на обесценение денежной единицы в военное время [4, с. 73, 74]. Данные табл. 1 показывают, что мобилизация российской экономики более чем вдвое уменьшила фонд потребления населения и более чем вдвое увеличила долю сбережения в народном доходе.

Таблица 1 / Table 1

Структура использования народного дохода России в 1914–1917 гг.

The structure of the use of the national income of Russia in 1914–1917

Годы	Народный доход, млрд руб.	Потребление населения		Военные расходы	
		Всего, млрд руб.	Доля в народном доходе, %	Всего, млрд руб.	Доля в народном доходе, %
1914/15	15,8	11,5	72,8	4,3	27,2
1915/16	13,9	8,2	59,0	5,7	41,0
1916/17	12,2	5,1	41,8	7,1	58,2

Рассчитано по: [9, с. 133, 174].

По мнению С. Н. Прокоповича, фонд накопления мог обеспечить не более 15–20% военных расходов, которые покрывались, главным образом, «за счет потребительного фонда народа», а принудительное сокращение народного потребления могло быть достигнуто только вы-

пуском кредитных билетов и обесценением рубля [9, с. 138]. Увеличение расходов государства на войну и неограниченный выпуск бумажных денег сопровождались разложением сферы денежного обращения и казенных финансов (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Финансовые и кредитно-денежные показатели России в 1911–1917 гг.

The financial and monetary indicators of Russia in 1911–1917

Годы	Обычные доходы бюджета, млн руб.	Обычные расходы бюджета, млн руб.	Чрезвычайные доходы бюджета*, млн руб.	Чрезвычайные расходы бюджета, млн руб.	Сальдо бюджета, млн руб.	Количество наличных денег в обращении, млн руб.	Индекс оптовых цен
1911	2952	2536	–	310	106	2100	101,6
1912	3106	2722	–	449	-65	2244	107,9
1913	3240	3012	–	238	-10	2393	107,0
1914	3521	3302	1438	1656	1	3675	108,1
1915	2898	3408	10 302	8815	977	6397	139,1
1916	4154	4236	9566	14 553	-5069	9992	217,2
1917	–	–	–	40 000	–	28 378	720,1

Примечание. * займы, средства банков, правительственных и общественных учреждений. Рассчитано по: [10, с. 35; 11, с. 26, 61; 12, с. 356–359, 468, 617; 13, с. 166, 221; 14, с. 12, 16, 71].

Воздействие военного государственного предпринимательства вызывало пороговые изменения экономики – трансформации хозяйственного механизма, социальной структуры, динамики конъюнктуры. В 1916 г. расходы российского правительства превысили предельную нагрузку

на бюджетные ресурсы. Кассовый дефицит бюджета превзошел величину его обычных доходов. Государственные финансы перешли в новое качественное состояние – планирование бюджета потеряло смысл. Извлечение ресурсов из экономики посредством эмиссии зависело от

соотносительной динамики количества денег в обращении и цен. Темпы роста оптовых цен с 1916 г. начали опережать темпы роста наличной денежной массы. Эффективность эмиссионных операций снизилась, а кризисное падение экономики ускорило. Процессы ее разрушения стали необратимыми на несколько лет вперед.

Доходы государства падали быстрее, чем растрчивались производительные силы державы. Утрата финансовой мощи повлекла за собой ослабление и смену политической власти в ходе двух революций 1917 г. Короткую мирную передышку России после Октябрьской революции оборвала Гражданская война, которая полыхала с 1918 по 1920 г. на Европейской территории и по 1922 г. на Дальнем Востоке страны. Советское правительство вынужденно продолжило мобилизацию и реформирование отечественной экономики.

Становление военно-мобилизационной модели государственного предпринимательства с 1914 г. инициировалось кумулятивными процессами, которые взаимно обуславливали друг друга, образуя порочный круг. Непроизводительное потребление и прямое уничтожение производительных сил истощали резервы основного и оборотного капитала, сокращали производство валового национального продукта. Правящая власть усиливала воздействие на экономику, дабы извлечь из ее оскудевавших ресурсов необходимые средства для покрытия нараставших военных расходов.

Методы хозяйственного регулирования и распределения ресурсов влияли на российское народное хозяйство сильнее, чем убытки от войны. Расстройство финансов, займы и эмиссии, директивное управление подавляли частную инициативу, разрушали рыночные механизмы регулирования экономики. Инфляция разрывала торгово-товарные связи, ускоряла падение объемов производства, обесценивала денежные доходы, обостряла ситуацию бюджетного дефицита. Сокращение притока ресурсов в казну всякий раз побуждало правительство уменьшать потребление населения и производительный капитал. Растрата стратегических резервов и потеря управляемости народного хозяйства открывали очередной цикл его огосударствления [15, с. 48–103].

Усилия трех правительств превратили российскую экономику в чрезвычайную. Самодержавие финансировало военные расходы преимущественно за счет займов. Временное правительство для оплаты войны максимально воспользовалось эмиссией денег. Советской власти пришлось воевать, прибегая к национализации и прямому присвоению хозяйственных

ресурсов. Д. В. Кузовков верно указывал, что запасы и товарные фонды промышленности вместе с продразверсткой в 1918–1920 гг. сослужили пролетарскому государству большую службу, чем огромный золотой фонд самодержавия. Такой материальной базы не имели белогвардейские правительства [16, с. 28].

Мобилизация российской экономики завершилась почти всеобщим ее огосударствлением и натурализацией. Ускорение инфляционного обесценивания рубля и расширение прямого продуктообмена трансформировали денежный бюджет в материальный. За счет эмиссии денег правящая власть присвоила ценностей в 1918 г. на сумму 536,2 млн руб., в 1919 г. – 224,6 млн руб., в 1920 г. – 122,0 млн руб. [14, с. 276], а при помощи продовольственной разверстки в 1918/19 г. – 127 млн руб., в 1919/20 г. – 253 млн руб., в 1920/21 г. – 451 млн руб. (золотом) [17, с. 123].

О структуре народного дохода России по окончании Гражданской войны можно судить по разрозненным оценкам некоторых авторов. По мнению Л. Н. Крицмана, народный доход нашей страны в 1920 г. не превышал 40% от уровня 1913 г. Фонд личного потребления не обеспечивал даже простого, по довоенным нормам, восстановления рабочей силы. Полностью исчез фонд накопления. Продолжалось «проедание» основного и оборотного капитала [17, с. 137]. Эксперты-экономисты оценивали величину народного дохода России в 1921 г. в интервале от 4 до 5 млрд руб. С. Н. Прокопович остановился на сумме 4,5 млрд руб., а народный доход на душу населения определил в 38,1% от уровня 1913 г. [18, с. 118, 119].

К анализу такой ситуации применимо оценочное суждение Г. Мюрдаля: «...где “недоедание” в широком масштабе является нормой, основное разграничение между инвестициями и потреблением теряет смысл, а строящиеся на нем рассуждения неуместны и необоснованны. Более высокое потребление образует “инвестиции”, то есть увеличивает продукцию, и в то же время остается потреблением. Производительность такого “инвестирования” в форме потребления меняется в зависимости от размера дополнительного потребления, его продолжительности, направления, компонентов и скорости его изменения. Дополнительные сбережения в смысле сокращения потребления, навязываемые населению с пониженными уровнями потребления, таким образом, окажутся своеобразным “деинвестированием” в более широком значении» [19, с. 608].

С завершением Гражданской войны прекратилось непомерное казенное изъятие ценностей и ресурсов из российской экономики.

Ради восстановления производительных сил страны государственная власть перешла в 1921 г. к новой экономической политике, отказалась на несколько лет от мобилизационного давления, понизив воздействие на отечественное народное хозяйство допорогового довоенного уровня.

В 1920–1930-е гг. исчисления народного дохода Советского Союза проводились эпизодически для служебного пользования. По данным баланса народного хозяйства СССР 1923/24 г., накопление ставило 815 млн червонных руб., или 6,8% от 11 966 млн руб. народного дохода [4, с. 92]. Удельный вес накопления в народном доходе, по расчетам В. Я. Железнова, достигал в 1924/25 г. – 8,6%, в 1925/26 гг. – 9,5% [20, с. 50].

Облегчение фискальной нагрузки создало условия экономического роста, возрождения частного предпринимательства, финансовой и

кредитно-денежной сферы, регуляторов и институциональной структуры многоукладного рыночного хозяйства.

Успехи в восстановлении объемов и структуры производства подвигли советское руководство к ускоренной индустриализации державы посредством мобилизации ресурсов для интенсивного накопления капитала. В годы первой пятилетки государственное предпринимательство вновь превысило пороговый уровень и трансформировало отечественную экономику.

Структура народного дохода, исчисленная А. Л. Вайнштейном по материалам балансов народного хозяйства СССР за 1928–1931 гг., представлена в табл. 3.

В литературе имеются иные оценки показателей за тот же период. Расчеты на их основе отражены в табл. 4.

Таблица 3 / Table 3

Структура национального дохода СССР в 1928–1931 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the national income of the USSR in 1928–1931 (in the prices of the respective years), %

Годы	Произведенный национальный доход	Использованный национальный доход		Сальдо экспорта и импорта, потери
		потребление	накопление и прочие расходы	
1928	100	80,6	17,0	2,4
1929	100	80,4	16,1	3,5
1930	100	74,3	21,4	4,3
1931	100	69,7	27,4	2,9

Рассчитано по: [4, с. 98].

Таблица 4 / Table 4

Структура использованного национального дохода СССР в 1928–1932 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the used national income of the USSR in 1928–1932 (in the prices of respective years), %

Годы	Национальный доход	Потребление			Накопление		
		всего	в том числе		всего	в том числе	
			в продуктах промышленности	в продуктах сельского хозяйства		в продуктах промышленности	в продуктах сельского хозяйства
1928	100	85,2	59,8	25,4	14,8	10,0	4,8
1929	100	83,1	55,5	27,6	16,9	16,2	0,7
1930	100	75,8	45,0	30,8	24,2	25,3	-1,1
1931	100	66,3	40,1	26,6	33,7	32,3	1,4
1932	100	62,6	34,9	27,7	37,4	36,1	1,3

Рассчитано по: [21, с. 90–91; 22, с. 32, 99; 23, с. 400].

Пороговое изменение пропорции между накоплением и потреблением в народном доходе было обеспечено комплексным реформированием системы государственного управления экономикой и основных макросфер хозяйственного оборота: рынков товаров, труда, денег, капитала. Реформы 1929–1932 гг. изменили, но не ликвидировали рыночную организацию директивно-планового народного хозяйства СССР [24, с. 248–299].

Модель восстановления и экстенсивного роста экономики периода нэпа была преобразована в модель инвестиционно-мобилизационного роста; соответственно изменился режим функционирования государственного предпринимательства.

С 1930 г. норма чистого накопления в экономике СССР лишь в исключительных обстоятельствах опускалась ниже порогового уровня 23–25%. Инвестиционная экспансия государ-

ственного предпринимательства сдерживалась не только возможностями ограничения потребления населения и принудительного сбережения доходов, но и объективной необходимостью сбалансированного хозяйственного развития. Почти

четырёхкратное превышение довоенной нормы накопления в 1932 г. обернулось экономическим кризисом [24, с. 300–306]. Возникшие диспропорции заставили правительство ослабить мобилизационное давление, что видно из данных табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

Структура национального дохода СССР в 1935–1938 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the national income of the USSR in 1935–1938 (in the prices of respective years), %

Годы	Произведенный национальный доход	Использованный национальный доход				Сальдо экспорта и импорта, потери
		потребление			накопление и прочие расходы	
		всего	личное потребление	государственное потребление		
1935	100	74,9	69,0	5,9	24,2	0,9
1937	100	75,3	65,1	10,2	23,3	1,1
1938	100	78,3	67,0	11,3	18,9	2,8

Рассчитано по: [4, с. 109, 110].

Показатели структуры народного дохода, исчисленные А. Л. Вайнштейном по материалам балансов народного хозяйства СССР за 1935, 1937 и 1938 гг., говорят о снижении доли накопления и замещении инвестиций государственным потреблением (вероятно, военными расходами). Эта тенденция в полной мере проявилась в период Великой Отечественной войны.

Преобразование инвестиционно-мобилизационной модели народного хозяйства в военно-

мобилизационную модель в 1941–1942 гг. подготовило экономические условия победы СССР во Второй мировой войне. Советское правительство в 1941–1945 гг. использовало хозяйственный опыт первой пятилетки [25]. Доля военных расходов, судя по данным табл. 6 [26, с. 29], не достигла пороговой нормы накопления 1932 г. Всплеск затрат на войну финансировался за счет изменения структуры народного дохода – уменьшения долей потребления и накопления.

Таблица 6 / Table 6

Структура национального дохода СССР в 1940–1945 гг. (в ценах 1940 г.), %
The structure of the national income of the USSR in 1940–1945 (in the 1940 prices), %

Годы	Национальный доход	Потребление		Накопление		Военные расходы
		всего	в том числе военнослужащих	всего	в том числе прирост основных фондов	
1940	100	74	4	19	10	7
1942	100	69	13	4	3	27
1943	100	60	11	7	4	33
1944	100	61	11	15	7	24
1945	100	69	7	13	9	18

Военная мобилизация экономики СССР обеспечивалась централизацией и совершенствованием механизма ее директивно-планового регулирования, концентрацией хозяйственных ресурсов в руках государства, изменением условий организации и оплаты труда, расширением сферы натуральных распределительных отношений за счет сокращения сферы свободно-рыночного оборота, но не сопровождалась вырождением товарно-денежных связей в экономике.

Определение исторического места и типологическая характеристика директивно-плановой экономики нашей страны как разновидности рыночного

хозяйства, функционировавшего в специфических условиях и режимах, подтверждаются содержанием монографии председателя Госплана Советского Союза Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [27].

Подъем военного производства и изъятие весомой части доходов населения в государственные фонды обеспечили относительную устойчивость финансовой системы и денежного обращения СССР. Дефицит государственного бюджета имел место в 1941–1943 гг. (табл. 7), но не превысил 11%. Рост денежной массы за первые три года войны в 2,4 раза [27, с. 139] был меньше трех-

кратного увеличения количества денег за годы первой пятилетки [23, с. 404]. Денежное обра-

щение военного времени было больше объема товарооборота, но оставалось стабильным.

Таблица 7 / Table 7

**Структура государственного бюджета СССР в 1940–1945 гг., млрд руб.
The structure of the state budget of the USSR, 1940–1945, billion rubles**

Годы	Доходы государственного бюджета	Расходы государственного бюджета	Профицит (+), дефицит (-)
1940	180,2	174,4	+5,8
1941	177,0	191,4	-14,4
1942	165,0	182,8	-17,8
1943	204,4	210,0	-5,6
1944	268,7	264,0	+4,7
1945	302,0	298,6	+3,4

Рассчитано по: [28, с. 492; 29, с. 80].

Экономические потери СССР от войны были колоссальными. По оценке Н. А. Вознесенского, материальный ущерб за период Великой Отечественной войны составил 1890 млрд руб. в довоенных ценах, или 357 млрд долл. Ученый-практик доказывал, что переход к мирной экономике, ее быстрое восстановление и форсированный рост немыслимы без увеличения доли накопления в народном доходе за счет сокращения военных расходов. Повышение удельного веса тяжелой промышленности и транспорта в балансе народного хозяйства СССР, обеспечивающее технико-экономическую независимость нашей страны, постулировалось им как объективная необходимость осуществления основных законов расширенного социалистического воспроизводства [27, с. 162, 178, 179].

Иную точку зрения на состояние и перспективы развития послевоенной советской экономики излагал С. Н. Прокопович, ссылаясь на то, что в 1946 г. И. В. Сталин определил срок восстановления разрушенных территорий периодом 6–7 и более лет. По мнению статистика, плановое накопление за 1946–1950 гг. способно было возместить лишь треть потерь капитала страны в годы

войны. Размеры накопления – 26% народного дохода – в послевоенную пятилетку непосильны для населения Советского Союза [5, с. 348].

Есть доля истины в неоднозначных рассуждениях С. Н. Прокоповича о том, что производительные силы русского народа подорваны политикой покровительства развитию тяжелой (в том числе военной) промышленности, в жертву которой принесены насущные интересы населения и прочих отраслей народного хозяйства. Включение в производство средств производства военной продукции, «орудий разрушения», извращает смысл данных советской статистики. Только отказ от политики «догнать и перегнать» в экономическом развитии всей страны, освобождение Советского Союза от обязательства накапливать 27% народного дохода и неумеренного развития военной промышленности может дать русскому народу здоровое и быстрое развитие экономики и подъем материального уровня его жизни [5, с. 349, 353, 354].

Тяжесть бремени военных расходов СССР в середине прошлого века показывают данные табл. 8 [29, с. 81; 30, с. 141].

Таблица 8 / Table 8

**Военные расходы в структуре расходов государственного бюджета СССР в 1940–1950 гг.
The military expenditures in the structure of expenditures of the state budget of the USSR in 1940–1950**

Годы	Расходы государственного бюджета, млрд руб.	Военные расходы государственного бюджета, млрд руб.	Доля военных расходов в расходах государственного бюджета, %
1940	174,4	56,8	33,6
1941	191,4	83,0	43,4
1942	182,8	108,4	59,3
1943	210,0	125,0	59,5
1944	264,0	137,8	52,2
1945	298,6	128,8	42,9
1946	307,5	73,6	23,9
1950	413,2	82,8	20,0

Экспертная оценка сроков восстановления послевоенной экономики Советского Союза, высказанная С. Н. Прокоповичем, нашла свое необычное подтверждение в деятельности ЦСУ СССР. Ведомство не публиковало показатели народного дохода после 1940 г. почти двадцать лет. Впервые величины народного дохода за 1959 и 1960 гг. были обнародованы в статистическом ежегоднике ЦСУ СССР за 1960 г. Сквозные ряды величины и структуры глобального народного дохода за 1950–1965 гг. опубликовал журнал «Вестник статистики» в 1966 г. [4, с. 108].

А. Л. Вайнштейн сетовал, что во всех послевоенных публикациях ЦСУ СССР определение «народный» в сочетании с термином «доход» было без всякой мотивировки изъято и заменено прилагательным «национальный». Логика науч-

ных исследований требует, чтобы рассматриваемый показатель в разные периоды именовался одинаково. Неразумно было отказываться от термина «народный доход», бытовавшего в русской экономической литературе с конца XVIII в. [4, с. 25, 27].

Исчисления А. Л. Вайнштейна, представленные в табл. 9, говорят о возвращении отечественной экономики на траекторию интенсивного накопления капитала.

Данные табл. 10, заимствованные из статистических ежегодников ЦСУ, свидетельствуют, что инвестиционно-мобилизационное развитие экономики СССР продолжалось вплоть до его распада в 1991 г.

Во второй половине 1980-х гг. начались исчисления показателя валового национального продукта СССР (табл. 11).

Таблица 9 / Table 9

Структура национального дохода СССР в 1950–1967 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the national income of the USSR in the years 1950–1967
(in the prices of respective years), %

Годы	Произведенный национальный доход	Использованный национальный доход		Сальдо экспорта и импорта, потери
		потребление	накопление и прочие расходы	
1950	100	76,1	23,9	0
1951	100	74,6	25,5	-0,1
1952	100	73,8	26,3	-0,1
1953	100	74,6	25,0	0,4
1954	100	76,3	22,8	0,9
1955	100	73,6	25,5	0,9
1956	100	71,6	27,2	1,2
1957	100	75,1	23,4	1,5
1958	100	72,1	27,1	0,8
1959	100	71,4	26,1	2,5
1960	100	72,1	26,4	1,5
1961	100	70,7	28,1	1,2
1962	100	71,4	27,3	1,3
1963	100	73,5	25,1	1,4
1964	100	71,9	27,2	0,9
1965	100	72,5	25,9	1,6
1966	100	72,3	26,1	1,6
1967	100	72,0	26,4	1,6

Рассчитано по: [4, с. 110].

Таблица 10 / Table 10

Структура использованного национального дохода СССР в 1959–1990 гг. и Российской Федерации в 1991–1994 гг. (в ценах соответствующих лет), %**The structure of the used national income of the USSR in 1959-1990 and the Russian Federation in 1991-1994 (in the prices of respective years), %**

Годы	Национальный доход	Потребление		Накопление и прочие расходы
		всего	в том числе личное потребление	
1959	100	73,2	66,6	26,8
1960	100	73,2	65,8	26,8
1961	100	71,8	64,0	28,2
1962	100	71,2	64,6	27,7
1963	100	71,2	63,2	28,7
1964	100	72,6	64,3	27,4
1965	100	73,9	65,1	26,1
1966	100	72,3	64,2	26,1
1967	100	71,9	63,9	26,3
1968	100	71,6	63,6	26,5
1969	100	71,5	63,4	26,5
1970	100	70,5	62,3	29,5
1971	100	69,8	61,6	28,6
1972	100	71,9	63,2	27,2
1973	100	70,2	61,3	28,9
1974	100	70,7	61,6	27,7
1975	100	73,4	–	26,6
1976	100	73,0	–	27,0
1977	100	73,2	–	26,8
1978	100	73,2	–	26,8
1979	100	74,8	–	25,2
1980	100	76,1	65,6	23,9
1981	100	76,4	–	23,6
1982	100	73,8	–	26,2
1983	100	73,3	–	26,7
1984	100	72,8	–	27,2
1985	100	73,6	62,8	26,4
1986	100	74,2	63,1	25,8
1987	100	75,4	63,8	24,6
1988	100	75,2	63,5	24,8
1989	100	75,7	64,0	24,3
1990	100	79,3	67,5	20,7
1991	100	60,4	49,7	39,6
1992	100	60,2	46,4	39,8
1993	100	82,8	63,5	17,8
1994	100	84,9	69,7	15,1

Рассчитано по: [31, с. 578; 32, с. 535; 33, с. 565, 566; 34, с. 380; 35, с. 411; 36, с. 14; 37, с. 268].

Таблица 11 / Table 11

Структура валового национального продукта СССР в 1985–1990 гг. (в ценах соответствующих лет), %
The structure of the gross national product of the USSR in 1985–1990 (in the prices of respective years), %

Годы	Валовой национальный продукт	Расходы конечных потребителей			Валовое накопление
		всего	в том числе		
			домашних хозяйств	государственных учреждений	
1985	100	68,0	48,1	19,9	32,0
1986	100	68,0	47,8	20,2	32,0
1987	100	68,5	47,6	20,9	31,5
1988	100	67,6	47,5	20,1	32,4
1989	100	67,7	47,8	19,9	32,3
1990	100	69,9	50,2	19,7	30,1

Рассчитано по: [36, с. 9].

Обоснованность суждений о мобилизации ресурсов на инвестиционные нужды подтверждается расчетами долей национального дохода,

чистого и валового накопления в валовом национальном продукте СССР, оформленными в виде табл. 12.

Таблица 12 / Table 12

Соотношение компонентов валового национального продукта СССР в 1985–1990 гг., %
The ratio of the components of the gross national product of the USSR in 1985–1990, %

Годы	Валовой национальный продукт	Доля в составе валового национального продукта		
		национального дохода	чистого накопления	валового накопления
1985	100	73,9	19,5	32,0
1986	100	72,1	18,6	32,0
1987	100	71,0	17,4	31,5
1988	100	70,7	17,5	32,4
1989	100	70,6	17,2	32,3
1990	100	70,4	14,5	30,1

Рассчитано по: [36, с. 9, 13].

Соотношение компонентов ВВП и национального дохода Российской Федерации в 1990–1994 гг. иллюстрирует табл. 13. После 1994 г. Росстат прекратил публикации данных о национальном доходе страны. По-

этому дальнейшее хронологическое исследование мобилизационного развития российской экономики опирается на показатели доли валового сбережения и ее компонентов в ВВП.

Таблица 13 / Table 13

Соотношение компонентов валового внутреннего продукта Российской Федерации в 1990–1994 гг., %
The ratio of the components of the gross domestic product of the Russian Federation in 1990–1994, %

Годы	Валовой внутренний продукт	Доля в составе валового внутреннего продукта			
		национального дохода	чистого накопления	валового накопления	чистого экспорта
1990	100	66,5	14,7	30,3	0,2
1991	100	73,5	29,1	38,0	0,3
1992	100	68,1	27,1	34,9	15,1
1993	100	63,7	11,3	26,8	13,1
1994	100	66,5	9,9	25,8	4,6

Рассчитано по: [38, с. 250, 263].

В директивно-плановой экономике СССР в условиях хронического товарного дефицита функционировал специфический механизм генерирования инвестиционных циклов. Степень дефицитности продуктов изменялась периодически: нарастала во время подъема конъюнктуры и уменьшалась с ослаблением инвестиционной активности. Темпы экономического роста падали по мере распространения недостатка товаров. При достижении критического уровня дефицитности ресурсов и межотраслевых диспропорций происходило всеобщее повышение некоммерчески заниженных цен. Периодические пересмотры оптовых цен и тарифов: в 1936 г., 1939 г., 1949–1955 гг., 1966–1967 гг., 1973–1974 гг., 1982 г. – в течение полувека определяли среднесрочный ритм развития отечественного хозяйства. Временное восстановление частичного рыночного равновесия создавало условия для очередного циклического инвестиционного подъема хозяйственной конъюнктуры.

Советская директивно-плановая экономика была способна к эволюции в исторической перспективе. Попытки ее реформирования предпринимались в 1965 г., на рубеже 1970-х и 1980-х гг. Провозглашение политики перестройки в 1985 г. означало лишь исчерпание резервов инвестиционно-мобилизационной модели развития экономики Советского Союза. Непосредственными причинами системного,

трансформационного социально-экономического кризиса и распада СССР в 1991 г., как и в случае революционных разрушений нашей державы в 1917 г., были чрезвычайный бюджетный дефицит и переход к необеспеченной денежной эмиссии.

Исходным пунктом обоих системных кризисов было ослабление бюджета в результате развертывания общегосударственной политики борьбы с пьянством. Антиалкогольные кампании императора России Николая II и президента СССР М. С. Горбачева внесли свой вклад в создание предпосылок революционных потрясений, развала и изменения основ государственности, катастрофической деградации отечественной экономики [1, с. 328–331].

После отмены казенной винной монополии и запрета продажи спиртных напитков в августе 1914 г. началось необратимое разрушение бюджета Российской империи. В 1914 г. винная монополия дала казне 935 млн руб., или 26% всех обычных доходов. В 1916 г. казенная продажа питей принесла всего 50 млн руб. дохода [39, с. 553, 562]. Потеря четверти бюджетных ресурсов в обстановке возрастающих военных расходов оказалась трагической.

Масштабы и скорость развития кризисных процессов в сфере финансов и денежного обращения на исходе существования СССР отражает табл. 14.

Таблица 14 / Table 14

Финансовые и кредитно-денежные показатели СССР в 1985–1990 гг. и России в 1991–1992 гг.
The financial and monetary indicators of the USSR in 1985–1990 and Russia in 1991–1992

Показатели	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
Валовой внутренний продукт, млрд руб.	777,3	799,1	825,9	875,5	938,7	958,2	1300,1	18 086,0
Доходы бюджета, млрд руб.	367,7	366,0	360,1	365,1	384,9	410,1	316,4	5693,8
Расходы бюджета, млрд руб.	386,0	415,6	429,3	445,9	465,1	485,6	731,5	9754,5
Кассовый дефицит бюджета, млрд руб.	18,3	49,6	69,2	80,8	80,2	75,5	415,1	4060,7
Наличные деньги в обращении (M0), млрд руб.	70,7	72,7	77,6	85,8	100,4	122,7	126,1	940,5
Индекс потребительских цен	100,0	101,3	102,8	103,6	106,5	113,8	305,0	7954,0
Денежная масса в обращении (M2), млрд руб.	377,0	393,2	439,4	502,5	575,4	663,1	750,2	4087,4
Индекс оптовых цен промышленности	100,0	101,0	101,5	102,4	104,1	107,3	255,3	5231,0

Рассчитано по: [40, с. 22, 23, 25].

Развертывание с 1985 г. «антиалкогольной кампании» уменьшило приток акцизных налогов от продажи вино-водочной продукции и практи-

чески «заморозило» на несколько лет обычные доходы государственного бюджета. Реализация инвестиционной политики «ускорения» и пере-

оснащения машиностроительного комплекса ввергла казенные финансы в состояние хронического дефицита, усугубленного расходами на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии и землетрясения в Армении, падением доходов от экспорта энергоносителей и проч. Кассовый разрыв между расходами и доходами государства возрастал до 9% ВВП и покрывался в основном кредитными ресурсами. Финансовая экспансия увеличивала количество денег в обращении, провоцировала «ползучий» рост цен и обострение товарного дефицита в стране. Но союзное правительство еще контролировало ситуацию в экономике.

Финансовая сфера СССР оказалась в чрезвычайном положении в результате действий руководства РСФСР во главе с Б. Н. Ельциным по переводу крупнейших предприятий союзного значения под юрисдикцию России с одновременным снижением ставки налога на их прибыль. Возникший дефицит бюджетных доходов восполнялся за счет кредитной эмиссии Госбанка СССР и Центрального банка России. Решающий перелом произошел весной 1991 г., когда предприятия, обеспечивавшие большую

часть доходов единого бюджета Советского Союза, получили статус российских и прекратили перечислять в него налоги. Утрата бюджетных ресурсов предопределила судьбу руководства державы во главе с М. С. Горбачевым и единого государства СССР.

Как и в 1916 г., в «предреволюционном» 1991 г. расходы российского правительства превзошли пороговый уровень, кассовый дефицит превысил абсолютную величину обычных доходов консолидированного бюджета. Темпы роста индексов оптовых и розничных цен превысили темпы роста показателей денежной массы. Правящая власть во главе с Б. Н. Ельциным отправила нашу экономику «по стопам» военно-коммунистического периода, к всеобщей деградации и распаду, вплоть до конца XX в. [1, с. 334–336].

Данные табл. 15 говорят о том, что либерально-рыночное реформирование, разрушившее директивно-плановую организацию экономики России, не уменьшило нормы сбережений, сохранило мобилизационный режим экономического развития страны. Лишь в годы неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры наблюдалось сокращение доли сбережений в ВВП.

Таблица 15 / Table 15

Структура валового внутреннего продукта Российской Федерации в 1989–2015 гг.
(в ценах соответствующих лет), %

The structure of the gross domestic product of the Russian Federation in 1989–2015
(in the prices of respective years), %

Годы	Валовой внутренний продукт	Расходы конечных потребителей			Сбережения		
		всего	в том числе		всего	в том числе	
			домашних хозяйств	государственных учреждений		валовое накопление	чистый экспорт
1	2	3	4	5	6	7	8
1989	100	65,9	45,6	19,8	34,1	33,2	0,9
1990	100	69,5	47,7	20,9	30,5	30,3	0,2
1991	100	61,7	42,1	15,7	38,3	38,0	0,3
1992	100	50,0	33,8	14,3	50,0	34,9	15,1
1993	100	60,1	42,1	16,8	39,1	26,8	13,1
1994	100	69,6	44,1	22,5	30,4	25,8	4,6
1995	100	71,2	49,3	19,5	28,8	25,3	3,5
1996	100	71,4	48,8	20,2	28,6	24,5	4,1
1997	100	74,8	50,0	21,3	25,2	22,3	2,9
1998	100	76,6	54,6	18,7	23,4	16,2	7,2
1999	100	68,5	51,6	14,4	31,5	15,0	16,8
2000	100	62,5	46,1	14,4	37,5	17,1	20,4
2001	100	65,5	48,0	16,3	34,5	21,9	12,6
2002	100	69,0	50,2	17,6	31,0	20,3	10,7
2003	100	67,7	49,6	16,9	32,3	20,8	11,5
2004	100	67,0	49,3	16,9	33,0	20,9	12,1
2005	100	66,3	49,0	16,7	33,7	20,1	13,6

Окончание таблицы 15 / table 15

1	2	3	4	5	6	7	8
2006	100	66,1	48,2	17,4	33,9	21,2	12,7
2007	100	66,8	48,8	17,5	33,2	24,4	8,8
2008	100	65,7	48,0	17,2	34,3	25,2	9,1
2009	100	74,2	53,7	20,4	25,8	18,6	7,3
2010	100	69,6	50,5	18,5	30,4	22,5	7,9
2011	100	66,5	48,2	17,8	33,5	25,1	8,4
2012	100	67,1	48,1	18,5	32,9	25,7	7,2
2013	100	71,5	51,6	19,6	28,5	22,6	5,9
2014	100	72,4	53,4	18,7	27,6	21,1	6,6
2015	100	73,1	53,6	19,0	26,7	20,7	8,3

Рассчитано по: [38, с. 250; 41, с. 298; 42].

«Постсоветская» история явила еще одну, новую разновидность мобилизационного развития экономики России, предполагающую ее типологическую характеристику. В качестве постановки вопроса возможно введение в научный оборот дефиниции рентно-мобилизационной модели современной российской экономики. Имеются два повода к такому суждению. Во-

первых, создание условий для повышения доли чистого экспорта в ВВП. Во-вторых, формирование и расходование средств суверенных фондов государства, динамика которых отражена в табл. 16. Оба процесса означают присвоение рентных доходов, увеличение доли сбережений и уменьшение долей потребления и накопления в ВВП.

Таблица 16 / Table 16

Динамика средств суверенных фондов Российской Федерации* в 2004–2015 гг.
(в ценах соответствующих лет), % ВВП
The dynamics of sovereign funds of the Russian Federation 2004–2015
(in the prices of respective years), % of GDP

Годы	Сумма средств суверенных фондов	Прирост (+), уменьшение (-) средств суверенных фондов
2004	0,8	+0,8
2005	3,1	+2,3
2006	5,7	+2,6
2007	8,8	+3,1
2008	9,3	+0,5
2009	16,1	+6,8
2010	11,8	-4,5
2011	7,5	-4,3
2012	6,4	-1,1
2013	7,3	+0,9
2014	8,4	+1,1
2015	12,8	+4,4

Примечание. *Стабилизационного фонда, Фонда национального благосостояния, Резервного фонда. Рассчитано по: [42, 43].

Статистические данные показывают две тенденции с пороговыми изменениями государственного предпринимательства. Первая тенденция – скатывание России в 1990-х гг. к статусу периферийного государства, ослабление позиций правящей власти в присвоении доли ВВП (ренты) и усиление позиций крупного бизнеса,

ориентированного на вывоз капитала (денежных ресурсов) из страны. Исчисленная в постоянных ценах структура ВВП (табл. 17) демонстрирует масштабы процессов растаскивания и приватизации казенного имущества, оффшоризации российского частного предпринимательства в «шоковые» годы либерально-рыночных реформ.

Таблица 17 / Table 17

Структура использования валового внутреннего продукта Российской Федерации в 1990–2000 гг. (в ценах 1990 г.), %
The structure of use of gross domestic product of the Russian Federation in 1990–2000 (in the 1990 prices), %

Годы	Валовой внутренний продукт	Расходы конечных потребителей	Сбережения	Валовое накопление	Чистый экспорт
1990	100	69,4	30,6	30,3	0,3
1991	100	68,9	31,1	17,4	13,7
1992	100	59,6	40,4	-7,5	47,9
1993	100	69,7	30,3	1,3	29,0
1994	100	79,2	20,8	0	20,8
1995	100	74,3	25,7	10,7	15,0
1996	100	76,9	23,1	8,5	14,6
1997	100	78,4	21,6	22,8	-1,2
1998	100	81,0	19,0	16,2	2,8
1999	100	73,1	26,9	15,3	11,6
2000	100	66,4	33,6	17,6	16,0

Рассчитано по: [44, с. 279, 281, 301; 45, с. 26].

Вторая тенденция – укрепление позиций государственного предпринимательства в присвоении ренты и относительное уменьшение доли вывоза хозяйственных ресурсов из страны с момента формирования суверенных

фондов в 2004 г. Такую макроэкономическую динамику можно проследить по данным табл. 18 и интерпретировать ее как переход к восстановлению полупериферийного статуса России.

Таблица 18 / Table 18

Динамика долей чистого экспорта и государственных доходов (средств бюджета и суверенных фондов) Российской Федерации в ВВП в 1992–2015 гг. (в ценах соответствующих лет), %

The dynamics of the share of net exports and government revenues (budget funds and sovereign wealth funds) of the Russian Federation in GDP 1992–2015 (in the prices of respective years), %

Годы	Доля чистого экспорта	Доля государственных доходов
1992	15,1	28,0
1993	13,1	29,0
1994	4,6	28,2
1995	3,5	28,4
1996	4,1	26,0
1997	2,9	28,7
1998	7,2	25,1
1999	16,8	25,2
2000	20,4	28,7
2001	12,6	29,0
2002	10,7	32,5
2003	11,5	31,2
2004	12,1	32,7
2005	13,6	42,0
2006	12,7	42,1
2007	8,8	43,5
2008	9,1	38,9
2009	7,3	41,8
2010	7,9	31,0
2011	8,4	33,9
2012	7,2	36,3
2013	5,9	37,0
2014	6,6	38,6
2015	8,3	37,8

Рассчитано по: [42, 43].

Распределение рентных доходов происходит конфликтно. Несмотря на относительное ослабление позиций компрадорски ориентированного корпоративного бизнеса, прослеживалась долгосрочная тенденция абсолютного роста контролируемых им ресурсов – чистого экспорта. Сохранение высокой доли оффшоризации российской экономики обеспечивает поддержку неолиберальных мероприятий отечественного государственного предпринимательства в макроэкономических сферах, сдерживает экономический рост и обостряет социальные проблемы, тормозит возвращение страны к статусу мощной полупериферийной державы.

Наращивание чистого экспорта на протяжении 1992–2015 гг. уменьшало инвестиционные ресурсы, «вбивало клин» между сбережением и накоплением в отечественном хозяйстве, делало нашу страну щедрым спонсором мировой экономики. Теми же последствиями сопровождалось и изъятие денег в суверенные фонды. Высокая норма сбережения говорит о том, что правительство Российской Федерации целенаправленно проводит политику ограничения импорта, заработной платы и потребления населения. Заниженный валютный курс рубля, сжатие покупательского спроса и денежной массы препятствуют росту производства продуктов для внутреннего рынка. От рентно-мобилизационного развития российской экономики страдают прежде всех большинство граждан и малый бизнес.

Результаты

Верификация рабочей гипотезы об активной роли государственного предпринимательства в вековой мобилизации отечественной экономики осуществима в рамках концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна, согласно которой в мировом хозяйстве складывается единое осевое разделение труда с поляризацией свойственных центру и периферии видов экономической деятельности по степени монополизации и прибыльности производства продукции. Границы межгосударственной системы соответствуют границам осевого разделения труда. Формируются три структурные позиции – сердцевина (центр), периферия и полупериферия [46, с. 168]

Страны центра развивают ключевые виды экономической деятельности, укрепляются усилиями групп, использующих государственную машину для поддержки квазимонополистических привилегий своих предприятий. Государства периферии с конкурентными производственными процессами и товарами, под мощным давлением сердцевинных государств и сотрудничающих с ними местных групп, содействуют невыгодному

для себя движению хозяйственных ресурсов, неравному обмену, перераспределению добавленной стоимости от производителей периферии к производителям центра.

Правительства полупериферийных стран, в которых перемешаны производственные процессы разных уровней мира-экономики, проводят протекционистскую политику, стараясь защитить свое производство от конкуренции сильных зарубежных компаний, повысить эффективность и конкурентоспособность на внешних рынках местных производителей, привлечь к себе технологии производства новых товаров. Желание правящей власти полупериферийной страны достичь экономической мощи и благосостояния передовых государств, реализовать долгосрочную «догоняющую стратегию» предполагает интенсивное накопление капитала. Господствующие социальные группы полупериферийных стран усиливают государственный аппарат, чтобы улучшить структуру национальной экономики и ее место в мировом разделении труда. «Антисистемные» попытки полупериферийных правительств наталкиваются на встречное конкурентное противоборство стран центра, почти непрерывно генерируя военную напряженность между государствами [46, с. 390, 395; 47, с. 93–96].

Отечественную экономическую историю допустимо интерпретировать посредством рабочей гипотезы (предположения) о реализации стратегии ускоренного экономического роста и укрепления позиций державы в миросистеме. Соответственно, исходным пунктом анализа служит полупериферийное положение России/СССР в международном разделении труда. Статусное место обуславливало траекторию хозяйственного развития нашей страны, а вектор политики правящей власти и государственного предпринимательства с XVIII в. определяло намерение возвыситься до уровня передовых стран мира-экономики [2, с. 230–249, 344–353].

Миросистемный анализ выявляет преемственность в истории российской экономики, указывает ее место в эволюции международного хозяйства. И. Валлерстайн утверждает, что царская Россия и Советский Союз до 1991 г. были полупериферийными государствами мира-экономики. Их политическое влияние основывалось на мощи военного аппарата. Россия/СССР пытались использовать политико-военную мощь для осовременивания экономической деятельности, осуществлявшейся в зоне ее/его контроля, увеличивая уровень накопления капитала. Но от Екатерины II и до нынешнего дня Российское государство достигало неустойчивых и сомнительных успехов в таких попытках [46, с. 14].

На протяжении почти всего XX столетия неизменным оставался вектор хозяйственной политики. «Факт состоит в том, – пишет И. Валлерстайн, – что Россия была полупериферийной страной, и ее руководители (здесь существовала преемственность от Витте до Сталина) определяли быструю индустриализацию в качестве приоритета с точки зрения места страны в миро-экономике. Ленинский лозунг „коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны“ до совсем недавнего времени продолжал висеть в Москве на больших транспарантах. Все руководство верило в „социалистическое накопление капитала“ и вплоть до 1980-х гг. гордилось успехами в достижении этой цели» [46, с. 256].

Исследователь объясняет причины системных, революционных кризисов в России XX в. По его разумению, русская революция 1917 г. произошла в полупериферийной стране, соскальзывавшей к периферийному статусу, и привела к власти группу государственных управленцев, которые обратили эту тенденцию вспять. После Второй мировой войны Россия восстановила свое положение очень сильного члена полупериферийного сообщества и смогла начать бороться за обретение полноправного статуса в сердцевине [46, с. 51].

Советский опыт антисистемного движения, пришедшего к власти и усилившего государственную машину, – не искажение, а результат действия глубоких структурных сил [46, с. 391–392]. Государственный аппарат СССР стал мощнее в сравнении с имперской Россией. Огосударствление экономики нашей страны было обусловлено масштабами кризисных социально-экономических трансформаций в годы Первой мировой и Гражданской войн.

Но укрепление позиций государства в советской экономике, по убеждению ученого, не вывело ее за рамки миросистемы. Он настойчиво доказывал, что СССР всегда оставался частью капиталистического мира-экономики. Такой взгляд позволил ему предсказать, что правившие коммунистические режимы будут принуждены отказаться от некоторых форм своего «отклоняющегося» поведения и стать похожими на режимы миросистемы. Изменения 1989–1991 гг. имели далеко не столь фундаментальное значение, как многие полагают сегодня [46, с. 14].

Последовавший за распадом Советского Союза период социально-экономических трансформаций России подтвердил познавательный потенциал миросистемного анализа. Чрезвычайное «разгосударствление» и свертывание государственного присутствия в отечественной экономике сопровождалось деградацией отраслевой структуры, падением уровня жизни сокращавшегося по численности населения,

«третьемиризацией», сползанием России к статусу периферийных стран, одна из важнейших характеристик которого – рентноориентированное поведение господствующих макроэкономических субъектов: государства и крупного бизнеса.

Актуально звучат размышления И. Валлерстайна о взаимозависимости силы государственного аппарата и статусного положения страны в центр – периферийной иерархии мира-экономики. Силу определяет не степень деспотичности и жестокости центральной власти, а ее способность собирать налоги в соответствии с доходами и имущественными возможностями граждан и юридических лиц.

Чем слабее государство, тем меньше средств можно накопить, занимаясь экономически продуктивной деятельностью. Поэтому аппарат управления даже в сильных государствах становится важнейшей структурой в процессах обогащения путем жульничества и взяточничества на различных уровнях, в слабых же становится излюбленным методом накопления капитала, отвлекающим от других дел. Чем слабее государство, тем размытой силовой монополия. Если политические лидеры с трудом контролируют ситуацию в стране, то у силовиков появляется соблазн взять власть в свои руки.

Все это происходит не из-за ошибок в политике, а из-за слабости государственных структур в регионах с периферийными производственными процессами – плохими источниками накопления капитала. Если государство обладает ресурсами, которые дорого стоят на мировом рынке, то казенный доход, по существу, является рентой, и здесь непосредственный контроль над аппаратом также гарантирует, что весомая часть этой ренты может просачиваться в частные руки. В таких государствах нередко к власти приходят военные [47, с. 137–138]. Передача управления страной в руки представителей силовых структур в России в 1999 г. – наглядное тому подтверждение.

Рентно-мобилизационную модель современной экономики России и рентноориентированное поведение государственного предпринимательства и значительной части корпоративного бизнеса следует признать аномальным состоянием, характерным для периферийных стран. Складывавшийся на протяжении нескольких веков статус России как сильной державы полупериферии несовместим с проводимой на рубеже XX–XXI вв. государственной политикой. Кардинальная смена избранного политико-экономического курса объективно неизбежна по причине долгосрочных закономерностей хозяйственного развития. Вопрос заключается в том, какие силы и когда займутся осуществлением назревших преобразований.

Заключение

Проведенное исследование показало, что с 1914 г. на протяжении столетия российская экономика развивалась в условиях почти непрерывной мобилизации – увеличения сбережения (накопления) за счет уменьшения потребления в составе валового продукта страны.

Анализ и интерпретация статистических данных по хронологически последовательным интервалам рассматриваемого столетия подтвердили рабочую гипотезу о том, что государственное предпринимательство определяло траекторию и качество роста (деградации) экономики России. Посредством централизованного изъятия и использования хозяйственных ресурсов, формирования ключевых макроэкономических пропорций между потреблением и накоплением в национальном (народном) доходе или потреблением и сбережением в ВВП государственный аппарат ограничивал потребление населения, создавал предпосылки функционирования отечественной экономики в мобилизационном режиме.

Трансформации бюджета – важнейшего механизма централизованного регулирования экономики, объединяющей основы и главного фактора развития сферы государственного предпринимательства – приводили к серьезной реконструкции других хозяйственных сфер, смене экономических моделей и даже преобразованиям социально-экономических систем нашей страны, в 1917 и 1992 гг.

До 1990-х гг. траекторию мобилизационного развития экономики обуславливал полупериферийный статус России/СССР в международном разделении труда, а вектор государственного предпринимательства задавало намерение правящей власти войти в группу передовых стран; наблюдалось последовательное чередование военно-мобилизационной (1914–1920 гг., 1941–1945 гг.) и инвестиционно-мобилизационной (1928–1941 гг., 1946–1991 гг.) моделей экономики. В 1990-х гг. сложилась рентно-мобилизационная модель отечественной экономики, характерная для периферийных стран, не соответствующая долгосрочным закономерностям хозяйственной эволюции России.

Список литературы

1. Черемисинов Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики : российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. Ч. 1. Саратов, 2012. 348 с.
2. Черемисинов Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики : российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 2013. 460 с.
3. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство как типологический признак развития экономики России : теоретико-методологический аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 31–44.
4. Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М., 1969. 168 с.
5. Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР : в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1952. 356 с.
6. Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России (Статистическое исследование) М., 1960. 485 с.
7. Бовыкин В. И. Народное богатство и народный доход России // Народное богатство и народный доход России. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / Ин-т Российской истории РАН. СПб., 1995. URL: <http://www.istmat.info/node/184> (дата обращения: 31.08.2016).
8. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) : Новые подсчеты и оценки. М., 2003. 256 с.
9. Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. Изд. 2-е, доп. М., 1918. 266 с.
10. Вавилин И. П. Иностраный капитал в России. Л., 1925. 126 с.
11. Пасвольский Л., Моультон Р. Русские долги и восстановление России. М., 1925. 256 с.
12. Статистический ежегодник на 1914 год. СПб., 1914. 850 с.
13. Первушин С. А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. 330 с.
14. Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. 400 с.
15. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике : предыстория хозяйственного расчета. Саратов, 1995. 122 с.
16. Кузовков Д. В. Процесс натурализации народного хозяйства (1916–1920 гг.) // Финансовое оздоровление экономики : опыт нэпа / сост. А. И. Казьмин. М., 1990. С. 12–42.
17. Крицман Л. Н. Героический период Великой Русской Революции // Вестн. коммунистической акад. Кн. IX. 1924. С. 3–147.
18. Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923. 216 с.
19. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972. 768 с.
20. Железнов В. Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестн. финансов. 1927. № 9. С. 31–56.
21. Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. 197 с.
22. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3. М., 1977. 536 с.
23. Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. 439 с.
24. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике : «узоры» новой

- экономической политики (20-е годы – начало 30-х годов XX века). Саратов, 2002. 323 с.
25. Черемисинов Г. А. Формирование мобилизационной модели и макроэкономическая динамика СССР в годы первой пятилетки и Великой Отечественной войны // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 19–35.
 26. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1990. 235 с.
 27. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. 192 с.
 28. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 5. М., 1978. 566 с.
 29. Пирогова Т. В. Исторические этапы развития бюджетной системы в СССР // Сибирская финансовая школа. 2003. № 4. С. 77–82.
 30. Савинский П. Ф. Трансформация системы финансового обеспечения Вооруженных Сил от Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. до 70-летия со Дня Победы // Вооружение и экономика. 2015. № 2 (31). С. 140–144.
 31. Народное хозяйство СССР в 1964 г. Статистический ежегодник. М., 1965. 888 с.
 32. Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник. М., 1971. 824 с.
 33. Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. 846 с.
 34. Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981. 583 с.
 35. Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986. 655 с.
 36. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. 752 с.
 37. Российский статистический ежегодник : 1995. М., 1995. 976 с.
 38. Российский статистический ежегодник : 1994. М., 1994. 799 с.
 39. Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. 620 с.
 40. Илларионов А. Н. Попытки проведения политики финансовой стабилизации // Вопр. экономики. 1995. № 7. С. 4–37.
 41. Российский статистический ежегодник : 1996. М., 1996. 1202 с.
 42. Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики (Росстата). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/IssWWW.exe/Stg/d1/01-01.htm ; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab24.htm (дата обращения: 26.10.2016).
 43. Министерство финансов Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://minfin.ru/ru/performance/nationalwealthfund/index.php> ; <http://minfin.ru/ru/performance/reservefund/index.php> (дата обращения: 26.10.2016).
 44. Российский статистический ежегодник : 2001. М., 2001. 679 с.
 45. Ханин Г. И. Альтернативные методы определения объема экспорта капитала из России // ЭКО. 2001. № 1. С. 21–30.
 46. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире СПб., 2001. 416 с.
 47. Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. М., 2006. 248 с.

Образец для цитирования:

Черемисинов Г. А. Столетие мобилизационного развития российской экономики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 368–389. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-368-389.

Century of Mobilization Development of the Russian Economy

G. A. Cheremisinov

Georgy A. Cheremisinov, ORCID 0000-0002-5986-2866, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, cheremisinov@inbox.ru

Introduction. Researched sustainable secular trend of mobilization development of the Russian economy since the beginning of the First World War in 1914. **Theoretical analysis.** Outlines the main theoretical and methodological assumptions put forward scientific hypotheses: the mobilization of the economy as a result of government entrepreneurship, limiting the share of consumption and increase the share of savings in the structure of gross product of the country. Dynamics of the statistical indicators of the mobilization of the Russian economy – a share of consumption and accumulating in the national income, a share of consumption and a saving in gross domestic product – on chronologically consecutive historical intervals is analyzed. **Results.** Consecutive alternation within century of three models of the Russian economy speaks: the military mobilization,

investment mobilization and rent-mobilization. It is proved that the trajectory of mobilization development of the economy of Russia/ USSR was caused by its semi-peripheral status in the international division of labor, and the vector of government entrepreneurship was determined by the intention of the ruling power to enter the group of advanced countries. **Conclusions.** The estimation of rent-mobilization model of the modern economy of Russia as the abnormal condition typical for the peripheral countries is given.

Key words: mobilization development of economy, government entrepreneurship, national income, gross domestic product, accumulation, saving, investments, macroeconomic statistics, world-system analysis, history of economy of Russia.

References

1. Cheremisinov G. A. *Paradigma direktivno-planovoi ekonomiki: rossiiskiy opyt khoziaystvennykh preobrazovaniy* [Paradigm of a directive planned economy: Russian experience of economic transformations. In 2 pt.]. Saratov, 2012. Pt. 1. 348 p. (in Russian).
2. Cheremisinov G. A. *Paradigma direktivno-planovoi ekonomiki: rossiiskiy opyt khoziaystvennykh preobrazovaniy*

- [Paradigm of a directive planned economy: Russian experience of economic transformations. In 2 pt.]. Saratov, 2012. Pt. 2. 460 p. (in Russian).
3. Cheremisinov G. A. Government entrepreneurship as a sign of typological development of the Russian economy: theoretical and methodological aspects. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 31–44 (in Russian).
 4. Vajnshtejn A. L. *Narodnyi dokhod Rossii i SSSR. Istoriia, metodologiia ischisleniia, dinamika* [The national income of the USSR and Russia. History, methodology of calculation, dynamics]. Moscow, 1969. 168 p. (in Russian).
 5. Prokopovich S. N. *Narodnoe khoziaistvo SSSR* [National economy of the USSR. In 2 vols. Vol. 2]. New York, 1952. 356 p. (in Russian).
 6. Vajnshtejn A. L. *Narodnoe bogatstvo i narodnokhoziaistvennoe nakoplenie predrevoliutsionnoi Rossii (Statisticheskoe issledovanie)* [People's national economic wealth and the accumulation of pre-revolutionary Russia (Statistical research)]. Moscow, 1960. 485 p. (in Russian).
 7. Bovykin V. I. Narodnoe bogatstvo i narodnyi dokhod Rossii (National wealth and national income). In: *Narodnoe bogatstvo i narodnyi dokhod Rossii. Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravochnik* (Russian national wealth and the national income of Russia in 1913. Statistical and documentary handbook). Saint Petersburg, 1995. Available at: <http://www.istmat.info/node/184> (accessed 31 August 2016) (in Russian).
 8. Gregori P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Noveye podschety i otsenki* [The economic growth of the Russian Empire (the end of XIX – early XX century): New calculations and evaluations]. Moscow, 2003. 256 p. (in Russian).
 9. Prokopovich S. N. *Voina i narodnoe khoziaistvo* [War and the national economy. 2nd ed., add.]. Moscow, 1918. 266 p. (in Russian).
 10. Vavilin I. P. *Inostrannyi kapital v Rossii* [Foreign capital in Russia]. Leningrad, 1925. 126 p. (in Russian).
 11. Pasvol'skiy L., Moul'ton R. *Russkie dolgi i vosstanovlenie Rossii* [Russian debts and restoring Russia]. Moscow, 1925. 256 p. (in Russian).
 12. *Statisticheskii ezhegodnik na 1914 god* [Statistical Yearbook for 1914]. Saint Petersburg, 1914. 850 p. (in Russian).
 13. Pervushin S. A. *Khoziaystvennaia kon'iunktura. Vvedenie v izuchenie dinamiki russkogo narodnogo khoziaystva za polveka* [Economic conjuncture. Introduction to the study of the dynamics of the Russian national economy for half a century]. Moscow, 1925. 330 p. (in Russian).
 14. Yurovskiy L. N. *Denezhnaia politika sovetskoi vlasti (1917–1928)* [Monetary policy of the Soviet power (1917–1928)]. Moscow, 1928. 400 p. (in Russian).
 15. Cheremisinov G. A. *Gosudarstvennoe predprinimatel'stvo v otechestvennoi ekonomike: predystoriya khoziaistvennogo rascheta* [Government entrepreneurship in the domestic economy: background of cost accounting]. Saratov, 1995. 122 p. (in Russian).
 16. Kuzovkov D. V. Process naturalizatsii narodnogo khoziaistva (1916–1920 gg.) [The process of naturalization of National Economy (1916–1920)]. In: *Finansovoe ozdorovlenie ekonomiki: opyt nepa* [Financial recovery of the economy: The experience of the NEP]. Moscow, 1990, pp. 12–42 (in Russian).
 17. Kriceman L. N. Geroicheskiy period Velikoi Russkoi Revoliutsii [The heroic period of the Great Russian Revolution]. *Vestnik kommunisticheskoi akademii*. Book 9. 1924, pp. 3–147 (in Russian).
 18. Prokopovich S. N. *Ocherki khoziaistva Sovetskoi Rossii* [Essays on the economy of Soviet Russia]. Berlin, 1923. 216 p. (in Russian).
 19. Mjurdal' G. *Sovremennye problemy «tret'ego mira»* [Modern problems of the «third world»]. Moscow, 1972. 768 p. (in Russian).
 20. Zheleznov V. Ya. *Nakoplenie v narodnom khoziaistve SSSR* [Accumulation in a national economy of the USSR]. *Vestnik finansov*, 1927, no. 9, pp. 31–56.
 21. Barsov A. A. *Balans stoimostnykh obmenov mezhdugorodom i derevnei* [Balance of cost exchanges between the city and the village]. Moscow, 1969. 197 p. (in Russian).
 22. *Istoriia sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR* [The History of the Socialist Economy of the USSR. In 7 vols. Vol. 3]. Moscow, 1977. 536 p. (in Russian).
 23. Malafeev A. N. *Istoriya tsenoobrazovaniya v SSSR (1917–1963 gg.)* [Pricing history in the USSR (1917–1963)]. Moscow, 1964. 439 p. (in Russian).
 24. Cheremisinov G. A. *Gosudarstvennoe predprinimatel'stvo v otechestvennoi ekonomike: «uzory» novoi ekonomicheskoi politiki (20-e gody – nachalo 30-kh godov XX veka)* [Government entrepreneurship in domestic economy: «patterns» of new economic policy (the 20th years – the beginning of the 30th years of the XX century)]. Saratov, 2002. 323 p. (in Russian).
 25. Cheremisinov G. A. Formirovanie mobilizatsionnoi modeli i makroekonomicheskaiia dinamika SSSR v gody pervoi piatiletki i Velikoi Otechestvennoi voiny [Formation of the mobilization model and the macroeconomic dynamics of the USSR in the first five years and the great Patriotic war]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], 2015, no. 4 (34), pp. 19–35 (in Russian).
 26. *Narodnoe khoziaistvo SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [National economy of the USSR in the great Patriotic war 1941–1945]. Moscow, 1990. 235 p. (in Russian).
 27. Voznesenskij N. A. *Voennaia ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voiny* [Military economy of the USSR during the Patriotic war]. Moscow, 1948. 192 p. (in Russian).
 28. *Istoriia sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR* [The History of the Socialist Economy of the USSR. In 7 vols. Vol. 5]. Moscow, 1978. 566 p. (in Russian).
 29. Pirogova T. V. *Istoricheskie etapy razvitiia biudzhethnoi sistemy v SSSR* [Historical stages of development of the budgetary system in the USSR]. *Sibirskaiia finansovaia shkola* [Siberian Financial School], 2003, no. 4, pp. 77–82 (in Russian).

30. Savinsky P. F. Transformation of the financial support of the Armed Forces of the Great Patriotic war of 1941–1945 to the 70th anniversary of the Victory. *Vooruzhenie i ekonomika* [Armament and Economics], 2015, no. 2 (31), pp. 140–144 (in Russian).
31. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1964 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1964. Statistical Yearbook]. Moscow, 1965. 888 p. (in Russian).
32. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1970 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1970. Statistical Yearbook]. Moscow, 1971. 824 p. (in Russian).
33. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1975 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1975. Statistical Yearbook]. Moscow, 1976. 846 p. (in Russian).
34. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1980 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1980. Statistical Yearbook]. Moscow, 1981. 583 p. (in Russian).
35. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1985 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1985. Statistical Yearbook]. Moscow, 1986. 655 p. (in Russian).
36. *Narodnoe khoziaystvo SSSR v 1990 g. Statisticheskij ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1990. Statistical Yearbook]. Moscow, 1991. 752 p. (in Russian).
37. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: 1995* [Russian Statistical Yearbook: 1995]. Moscow, 1995. 976 p. (in Russian).
38. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: 1994* [Russian Statistical Yearbook: 1994]. Moscow, 1994. 799 p. (in Russian).
39. Beljaev S. G. P. L. *Bark i finansovaia politika Rossii. 1914–1917 gg.* [P. L. Bark and financial policy of Russia. 1914–1917]. St. Petersburg, 2002. 620 p. (in Russian).
40. Illarionov A. N. Popytki provedeniya politiki finansovoi stabilizatsii [Attempts to carry out policies of financial stabilization]. *Voprosy ekonomiki*, 1995, no. 7, pp. 4–37 (in Russian).
41. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: 1996* [Russian Statistical Yearbook: 1996]. Moscow, 1996. 1202 p. (in Russian).
42. *Oficial'nyi internet-portal Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)* (The official Internet portal of the Federal state statistics service (Rosstat)). Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/IssWWW.exe/Stg/d1/01-01.htm; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab24.htm (accessed 26 October 2016) (in Russian).
43. *Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii (Ministry of Finance of the Russian Federation. Site)*. Available at: <http://minfin.ru/ru/performance/national-wealthfund/index.php>; <http://minfin.ru/ru/performance/reservefund/index.php> (accessed 26 October 2016) (in Russian).
44. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: 2001* [Russian Statistical Yearbook: 2001]. Moscow, 2001. 679 p. (in Russian).
45. Hanin G. I. Al'ternativnye metody opredeleniia ob'ema eksporta kapitala iz Rossii [Alternative methods of determining the volume of export of capital from Russia]. *EKO* [ECO], 2001, no. 1, pp. 21–30 (in Russian).
46. Vallerstajn I. *Analiz mirovnykh sistem i situatsiia v sovremennoy mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. St. Petersburg, 2001. 416 p. (in Russian).
47. Vallerstajn I. *Mirosistemnyi analiz: Vvedenie* [World-system analysis: Introduction]. Moscow, 2006. 248 p. (in Russian).

Cite this article as:

Cheremisinov G. A. Century of Mobilization Development of the Russian Economy. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 368–389 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-368-389.
